

И во-вторых, констебль де Фрейтас, если в приглашении это не прозвучало, так только по моей оплошности. Мы — Клуб убийств по четвергам.

У Элизабет от красного вина стеклянно блестят глаза; Рон почесывает татуировку «Вест Хэм» на шее, а Ибрагим полирует и без того блестящую запонку.

Ресторан понемногу заполняется, и Донна — не первая из посетителей Куперсчейза — думает, что это не худшее место для жизни. Она убить готова за стаканчик вина и свободный день.

— А еще я каждый день плаваю, — заключает Ибрагим. — Чтобы сохранить упругость кожи.

Куда она попала?

ГЛАВА 3

Если вы когда-нибудь надумаете выехать из Файрхэвена по А21 в сердце кентского Уилда, вам попадется на дороге старая телефонная будка, до сих пор работающая, — на крутом повороте налево. Поезжайте еще ярдов сто до знака: «Уайтчерч, Эббот-Хатч и Лентс-Хилл», а за ним поверните направо. Проедете через Лентс-Хилл мимо «Голубого дракона» и маленького магазина фермерских продуктов с большим яйцом перед входом и попадете к каменному мостику через Робертсмер. Робертсмер числится рекой, но не дайте сбить себя с толку и не надейтесь увидеть что-то величественное.

Сразу за мостом съезд на однополосную дорогу. Вам покажется, будто она ведет не в ту сторону, но так быстрее,

чем по маршруту из официальной брошюры, да и живописнее, если вы любите живые изгороди с гибискусом. Под конец дорога расширяется, и сквозь высокие деревья на склоне холма можно увидеть признаки жизни. Впереди показывается крошечная деревянная автостанция, она тоже работает, если один автобус в день туда и обратно считать работой. Перед самой автобусной остановкой слева вы увидите указатель на въезд в Куперсчейз.

Строить Куперсчейз начали лет десять назад, когда католическая церковь продала эту землю. Первый жилец, а именно Рон, въехал тремя годами позже. Реклама говорила о «первом в Британии люкс-поселке для пенсионеров», хотя Ибрагим, а он проверял, говорит, что это седьмой. Сейчас в поселке около трехсот проживающих. Сюда нельзя въехать, пока вам не исполнилось шестидесяти пяти, и каждый день, проезжая по решетке от скота, доставочный фургон «Вайтроз» позвякивает винными бутылками и лекарственными пузырьками.

Господствующую над Куперсчейзом высоту занимает старинный монастырь, от которого спиралью расходятся улицы новой застройки. Сто с лишним лет здание монастыря полнилось тишиной, сухим шелестом монашеских ряс и спокойной уверенностью в молитвах, которые непременно будут услышаны. В его темных коридорах мелькали женщины, искавшие безмятежного покоя, женщины, напуганные набирающим скорость миром, женщины в поисках убежища и даже женщины, с радостью служившие высшей цели. Вы нашли бы в нем ряды узких кроватей в дортуарах, длинные столы в трапезной,

часовню, такую темную и тихую, что можно поклясться: в ней слышно было дыхание Бога. Короче, вы нашли бы там сестринскую обитель Святой Церкви, армию, которая не оставит в беде, накормит, оденет и всегда будет в вас нуждаться и вами дорожить. Взамен требовалось всего лишь посвятить жизнь Богу, и желающие всегда находились. А потом наступал день, когда вы отправлялись в короткое путешествие вниз по холму, сквозь тоннель между деревьями в Сад вечного покоя — его чугунные ворота и низкая каменная стена смотрели на монастырь и бесконечную красоту холмов кентского Уилда, тело снова получало отдельную постель под простым каменным надгробием рядом с сестрами Маргарет и сестрами Мэри из прошлых поколений. Если у вас были мечты, они оставались витать над зелеными холмами, а если были тайны, они навсегда оставались схоронены в надежных четырех стенах монастыря.

Нет, точнее сказать, в трех стенах, поскольку западную теперь снесли подчистую, освобождая место плавательному комплексу для проживающих. Он стоит над лужайкой для боулинга и тянется к гостевой парковке, въезд на которую ограничен такими строгими правилами, что парковочный комитет Куперсчейза представляется высшим советом заговорщиков.

Кроме плавательного бассейна в комплекс входит небольшой «бассейн для терапии артрита», очень похожий на джакузи, в основном потому, что это джакузи и есть. Владелец, Ян Вентам, проводя экскурсию, непременно покажет посетителю сауну. Он всегда приоткрывает дверь

на малую щелочку и произносит: «Надо же, никак здесь у нас сауна?» Ян — он такой.

Теперь поднимемся на лифте в рекреации. Тренажерный зал и студия, где проживающие могут весело отплясывать зумбу среди призраков монашеских коек. Еще есть Мозаичная комната для тихих игр и занятий. Есть библиотека и зал для более многочисленных и шумных собраний — или для просмотра футбола по телевизору с плоским экраном. Потом мы снова спустимся на первый этаж, где длинные низкие столы монастырской трапезной принадлежат теперь «первоклассному современному ресторану».

В самом центре поселка сохранилась старая часовня, примыкающая к монастырю. Светлая кремовая штукатурка придает ей почти средиземноморский вид на фоне темной и суровой готики монастыря. Часовню не трогали и ничего в ней не меняли — одно из немногих условий, на котором настояла монастырская община, выставляя землю на продажу десять лет назад. Проживающие с удовольствием пользуются часовней. Здесь до сих пор обитают призраки, шуршат рясы и слышен шепот камней. Здесь чувствуешь себя частью чего-то неторопливого и благородного. Ян Вентам выискивает в контрактах слабое место, которое позволило бы ему превратить часовню в восемь новых квартир.

С другой стороны к монастырю примыкает то, что и стало причиной его основания, — «Ивы». Теперь «Ивы» — поселковый хоспис. Он основан сестрами в 1841-м как бесплатный приют для больных и сломленных жизнью,

которым больше некуда было податься. В конце прошлого века он стал домом сестринского ухода и оставался им, пока принятые в восьмидесятых законы не вынудили его закрыть двери. Тогда монастырь превратился просто в зал ожидания, и в 2005-м, после кончины последней монахини, церковь без проволочек обратила его в деньги, продав под застройку.

Участок занимает двенадцать акров лесистой местности и красивого открытого склона холма. На нем два озерца, природное и созданное работающим на Вентама владельцем строительной конторы Тони Карраном с его рабочими. Множество гусей и уток, тоже считающих Куперчейз своим домом, явно предпочитают искусственное. На самой вершине холма, за краем леса, еще стоит овечья ферма, а на лугу у озера пасутся двадцать лам. Ян Вентам завез двух, решив, что они будут оригинально смотреться в рекламных проспектах, а дальше, как водится, дело пошло само собой.

Вот, если в двух словах, куда попала Донна.

ГЛАВА 4

Джойс

Я начинала вести дневник много лет назад, но сейчас, пролистав, сомневаюсь, что он вас заинтересует. Разве что вам интересна жизнь в Хэйуордз-Хит в семидесятых,

а это, думаю, вряд ли. Ничем не хочу обидеть Хэйуордз-Хит семидесятых, я любила и место, и время.

Но пару дней назад, познакомившись с Элизабет, я попала на первое свое собрание Клуба убийств по четвергам и решила, что об этом было бы интересно рассказать. Как тот дневник про Холмса и Ватсона — кто там его написал? Людям, что бы они ни говорили вслух, нравятся убийства, так что я попробую.

Я уже знала, что Клуб — это Элизабет, Ибрагим Ариф, который живет в Вордсворте — это где круговой балкон, — и Рон Ричи. Да, тот самый Рон Ричи. Это само по себе волновало. Теперь я познакомилась с ним получше, и блеск немножко поистерся, но все равно.

Была еще Пенни Грей, но она теперь в «Ивах», это хоспис. Если подумать, я клубу как раз подходила. Образовалась вакансия, и я стала новой Пенни.

Но тогда я, конечно, волновалась. Я это помню. Я взяла с собой бутылочку неплохого вина (за восемь фунтов девяносто девять пенсов, чтоб вы представляли) и, когда вошла, застала всех уже на месте, в Мозаичной. Они раскладывали на столе фотографии.

Элизабет организовала Клуб убийств по четвергам вдвоем с Пенни. Пенни много лет служила в полиции Кента инспектором и привезла с собой нераскрытые дела об убийствах. Ей вообще-то не полагалось иметь у себя эти дела, но кто мог узнать? Начиная с определенного возраста можно делать почти что хочешь. Никто тебе не запретит, кроме твоего врача и твоих детей.

Рассказывать о том, чем зарабатывала на жизнь Элизабет, мне не разрешается, хотя она сама иногда проговаривается.

Скажу только, что убийства, расследования и много чего еще для нее не внове.

Элизабет с Пенни перебирали каждое дело строчка за строчкой, изучали все фотографии, перечитывали показания свидетелей — искали, чего недостает. Им не нравилась мысль, что виновные преспокойно продолжают заниматься своими делами. Сидят в садике, разгадывают sudoku и знают, что убийство сошло им с рук.

И еще, думаю, Пенни с Элизабет это занятие просто нравилось. Стаканчик-другой вина и тайна. Вполне светское времяпрепровождение, и в то же время жутковатое. Отличное развлечение.

Они собирались по четвергам (отсюда и название), потому что в Мозаичной было двухчасовое окно между «Историей искусств» и «Разговорным французским». Записались они — и до сих пор пишутся — как «Японская опера: обсуждение», и это гарантирует, что их никто не побеспокоит.

Им обеим по разным причинам многие задолжали услугу, им всегда было кому позвонить, чтобы поболтать по-дружески. Судебно-медицинские эксперты, бухгалтеры, судьи, лесопатологи, конезаводчики, стеклодувы — кто только не побывал в Мозаичной комнате. Все, кого Элизабет с Пенни сочли полезным для решения какого-то вопроса.

К ним вскоре присоединился Ибрагим. Он часто играл с Пенни в бридж и раз или два помог им по мелочам. Он психиатр. Или был психиатром. Или все-таки остался. Не знаю точно. На первый взгляд ничего такого не заметно, но когда его узнаешь, то похоже. Я на терапию никогда

не ходила, потому что кому оно надо — распутывать этот клубок? Предпочту не рисковать, спасибо. У моей дочки, Джоанны, есть психотерапевт, хотя посмотрев, какой величины у нее дом, трудно не спросить, зачем ей это. Так или иначе, в бридж Ибрагим больше не играет, и, по моему, это досадно.

Рон сам напросился, что вас, конечно, не удивит. Он ни на минуту не купился на «японскую оперу» и однажды в четверг заявился в Мозаичную разузнать, что там творится. Элизабет, которая ценит подозрительность превыше всего, тут же пригласила его полистать дело о водителе скаутов, которого нашли сгоревшим в лесу у самой обочины А27. Она сразу распознала сильную сторону Рона — а именно, что он никогда и никому не верит на слово. Сейчас Элизабет говорит, что чтение полицейских отчетов с точки зрения того, что полиция вам лжет, — удивительно эффективный подход.

Комната, кстати, называется Мозаичной, потому что там на большом, слегка наклонном столе собирают большие мозаики. Когда я впервые туда пришла, это был вид Уитстаблской гавани на 2000 фрагментов, и недоставало только кусочка неба. Я однажды съездила в Уитстабл, всего на один день, но не очень поняла, из-за чего столько шума. После того как попробуешь устриц, там в магазинах и посмотреть-то нечего.

Так или иначе, Ибрагим накрыл мозаику куском толстого оргстекла, и на нем Элизабет с Роном разложили сделанные экспертами фотографии бедной девушки. Той, что, по мнению Элизабет, была убита своим дружкой. Этот дружок

был озлоблен, потому что вернулся из армии инвалидом, но причина всегда найдется, правда? У каждого за спиной есть грустная история, но не все же мы убиваем людей.

Элизабет попросила меня закрыть за собой дверь и подойти посмотреть снимки.

Ибрагим представился, пожал мне руку и предложил печенья. Он объяснил, что в коробке два слоя, но они хотят прикончить первый, прежде чем взяться за нижний. Я сказала, что тут он проповедует перед обращенной.

Рон взял мою бутылку и поставил рядом с печеньем. Покивал, рассмотрев этикетку, и заметил, что это белое. А потом поцеловал меня в щеку, что заставило меня задуматься.

Я понимаю, вы можете считать, что в поцелуе в щеку нет ничего такого, но для мужчины за семьдесят это не так. В щеку нас целуют разве что зятья и прочие родственники. Так что я сразу решила, что Рон из расторопных.

Про то, что в поселке проживает знаменитый профсоюзный лидер Рон Ричи, я узнала, когда они с мужем Пенни, Джоном, взяли лечить раненого лиса и назвали его Скаргилл*. Об этом, когда я только въехала, писали в нашей местной газете. Учитывая, что Джон — бывший ветеринар, а Рон — это... скажем так, Рон, я подозреваю, что лечил Джон, а Рон только имя подбирал.

Газета, кстати, называется «Куперсчейз без купюр» — ради каламбура.

* Артур Скаргилл — британский профсоюзный активист, президент Национального союза шахтеров с 1982 по 2002 год, известен радикальными взглядами.

Мы все столпились перед фотографиями. Бедняжка, от такой раны она никак не должна была умереть, даже в те времена. Ее парень сбежал из полицейской машины, когда Пенни везла его на допрос, и с тех пор его не видели. Он и Пенни ударил. Удивляться не приходится. Кто способен ударить одну женщину, ударит и другую.

По-моему, даже если бы он не сбежал, все равно выкрутился бы. Я знаю, о таком и до сих пор приходится читать, а в те времена было еще хуже.

Клуб убийств по четвергам не рассчитывал совершить чудо и доставить парня на суд: думаю, все понимали, что Пенни с Элизабет могут в свое удовольствие разгадывать повисшие дела, но дальше того им ничего не светит.

Пожалуй, можно сказать, что Пенни с Элизабет ни разу не добились своего. Все убийцы оставались безнаказанными, все и сейчас сидят где-то, слушают прогноз погоды на море. Преступление сошло им с рук — как и, боюсь, многим другим. С возрастом начинаешь постепенно с этим примиряться.

Но вообще-то я что-то расфилософовалась, а это пустое дело.

В прошлый четверг мы впервые собрались вчетвером: Элизабет, Ибрагим, Рон и я. И, должна сказать, получилось очень естественно. Я будто заняла пустовавшее место в их мозаике.

Я пока оторвусь от дневника. Завтра в поселке большое собрание. Я в таких случаях помогаю расставлять стулья. Предлагаю помощь, потому что: а) при этом я выгляжу полезной, б) первой добираюсь до угощения.

На собрании будут обсуждать новую застройку Куперсчейза. К нам приедет с докладом главный начальник, Ян Вентам. Я стараюсь писать по возможности честно, а потому, надеюсь, вы простите, если я скажу, что он мне не нравится. В нем есть все дурные наклонности, которые только могут развиться в человеке, если его предоставить самому себе.

Новая застройка вызвала большой переполох, потому что они собираются вырубить деревья и перенести кладбище, и еще ходят слухи о ветряных турбинах. Рон ждет не дождется случая поднять бучу, а мне не терпится посмотреть, как он это устроит.

Впредь обещаю писать что-нибудь каждый день. Держу пальцы крестиком, чтобы что-нибудь случилось.

ГЛАВА 5

В Танбридж-веллс у «Вайтроз» есть кафе. Ян Вентам паркует свой «лендровер» на последнем свободном месте для инвалидов — не потому, что он инвалид, а потому, что так ближе к двери.

Зайдя, он находит взглядом сидящего у окна Богдана. Ян должен Богдану 4000 фунтов. Он немного затянул с выплатой в надежде, что Богдана вышвырнут из страны, но пока не дождался такого счастья. Так или иначе, для него теперь есть серьезная работа, так что все к лучшему. Ян машет поляку рукой и проходит к стойке. Пробегает глазами написанное мелом меню, высматривая кофе.

— У вас весь кофе от этичной торговли?

— Да, весь, — улыбается девушка за прилавком.

— Жаль, — говорит Ян. Ему жалко переплачивать пятнадцать пенсов на помощь каким-то незнакомым людям из страны, где он никогда не бывал и не собирается бывать. — Чашку чая, пожалуйста. С миндальным молоком.

Богдан сегодня у Яна не главная забота. Если придется в конце концов расплатиться, так тому и быть. Главная забота у Яна — что Тони Карран его убьет.

Ян относит свой чай к столику, попутно высматривая людей старше шестидесяти. За шестьдесят — и хватает денег на «Вайтроз»? Погодим лет десять, думает он. И жалеет, что не захватил рекламные брошюры.

С Тони Карраном Ян разберется в свое время и на своем месте, а пока разбирается с Богданом. Хорошо уже то, что Богдан не собирается его убивать. Ян садится.

— Так что насчет двух кусков, Богдан? — спрашивает он.

Богдан пьет из пронесенной контрабандой двухлитровой бутылки «Лилта».

— Четыре тысячи. Это совсем дешево за замену плитки в бассейне. Не знаю, вы понимаете?

— Дешево, если за хорошую работу, Богдан, — возражает Ян. — Цемент не того цвета. Я заказывал «белый коралл».

Ян достает телефон, прокручивает до фото с новым бассейном и предъявляет Богдану.

— Нет, тут фильтр. Давайте уберем фильтр. — Богдан нажимает кнопку, и изображение мгновенно светлеет. — «Белый коралл». Вы знаете.

Ян кивает. Все равно попробовать стоило. Но иногда понимаешь, что придется платить.

Ян достает из кармана конверт.

— Хорошо, Богдан, по-честному так по-честному. Три куска. Годится?

Богдан устало смотрит на него.

— Три куска, конечно.

Ян отдает деньги.

— На самом деле тут две восемьсот, но какие счета между друзьями? Так вот, у меня к тебе вопрос.

— Конечно, — отвечает Богдан, пряча конверт.

— Ты вроде как толковый парень, Богдан?

Богдан пожимает плечами.

— Ну, я свободно владею польским.

— Если я прошу тебя что-то сделать, ты делаешь, и делаешь хорошо и довольно дешево, — говорит Ян.

— Спасибо, — говорит Богдан.

— Вот я и подумал. Ты готов к делу покрупнее, как думаешь?

— Конечно, — говорит Богдан.

— А намного крупнее?

— Конечно, — говорит Богдан. — Большое все равно что маленькое, его просто больше.

— Умница. — Ян допивает чай. — Я собираюсь уволить Тони Каррана. И мне понадобится человек на его место. Как тебе это?

Богдан тихонько присвистывает.

— Крупновато для тебя? — спрашивает Ян.

Богдан качает головой.

— Нет, нормально, я справлюсь. Просто подумал, если вы уволите Тони, он может вас убить.

Ян кивает.

— Знаю. Но об этом предоставь волноваться мне. А работа с завтрашнего дня твоя.

— Если будете живы, конечно, — говорит Богдан.

Пора идти. Ян трясет Богдану руку, а мысленно уже прикидывает, как сообщить Тони неприятное известие.

Завтра в Куперсчейзе обсуждение проекта, он обязан выслушать, что скажет это старичье. Вежливо кивать, не забыть галстук, называть каждого по имени. Люди на такое ведутся. Он пригласил и Тони, чтобы уволить прямо после собрания. На виду, при свидетелях.

Десять процентов вероятности, что Тони прикончит его на месте. Но раз так, значит, девяносто процентов, что не прикончит, а учитывая, сколько денег это сулит Яну, такой расклад его устраивает. Риск окупится.

На улице Ян слышит гудок и видит, как женщина на инвалидном скутере яростно тычет тростью в его «лендровер».

«Я первый занял, милочка», — говорит про себя Ян, садясь в машину. Что только у некоторых в голове?

За рулем Ян слушает мотивирующую аудиокнигу под названием: «Убей, чтобы выжить: как использовать уроки войны в совете директоров». Автор вроде как служил в израильском спецназе, а Яну книгу присоветовал личный тренер в Танбридж-веллском оздоровительном клубе. Ян не уверен, израильтянин ли сам тренер, но на вид откуда-то из тех мест.

Полуденное солнце тщетно пытается пробиться сквозь противозаконно тонированные стекла «лендровера», а Ян снова задумывается о Тони Карране. Много лет они очень неплохо ладили — Ян и Тони. Ян покупал обветшалые дома — большие дома, Тони потрошил их, разбивал на квартиры, приделывал въезды для колясок и перила, после чего они переходили к следующему. Строительство домов престарелых процветало, Ян сделал на них состояние. Что-то он оставлял себе, что-то продавал и прикупал еще.

Ян достает из автомобильного холодильника смузи. Холодильник не входит в стандартную комплектацию. Его установил механик в Фавершаме, тот же, что выкладывал бардачок золотом. Ян всегда пьет этот смузи. Щепотка малины, горсть шпината, исландский йогурт (если исландского нет, финский), спирулина, пророщенная пшеница, порошок ацеролы, хлорелла, ламинария, экстракт асаи, ядра какао, цинк, свекольная эссенция, семена чиа, цедра манго и имбирь. Состав собственного изобретения. Вентам назвал его «Ничего лишнего».

Он смотрит на часы. До Куперсчейза десять минут. Покончить с обсуждением, потом выложить Тони новость. С утра он гуглил «защиту от ножевых ранений», но никто не предлагал доставки жилета в тот же день. Заказать на «Амазоне»? Его примут за гангстера.

Впрочем, он уверен, что все обойдется. И просто прекрасно, что Богдан под рукой. Примет работу, все пройдет без сучка без задоринки. И дешевле будет, конечно. В том-то и смысл.

Ян давным-давно смекнул: чтобы делать настоящие деньги, надо вести бизнес на высшем уровне. Хуже всего бывало, когда умирал кто-то из клиентов. Хлопоты с администрацией, комнаты простаивают, пока не найдется новый клиент, и, хуже всего, приходится иметь дело с родственниками. Так вот, чем богаче клиент, тем в целом дольше он проживет. К тому же богатых обычно реже навещает родня, проживающая где-нибудь в Лондоне, Нью-Йорке или Сантьяго. И Ян лез вверх, он преобразовал компанию: из дома престарелых «Осенний закат» в «Дом для самостоятельных и независимых», покупал реже, но по-крупному. Тони Карран ни разу и глазом не моргнул. Если Тони чего не знал, то быстро учился, его не смущали ни душевые, ни замки, которые должны открываться электронной карточкой, ни площадки для барбекю. Право, жаль будет его терять, но так уж сложилось.

Ян оставляет по правую руку деревянную будку автостанции и сворачивает к Куперсчейзу. Он, как часто бывало, проезжает через ворота вслед за фургоном доставки и дальше всю дорогу держится за ним. Поглядывая по сторонам, Ян качает головой. Сколько же лам развелось! Век живи — век учись.

Поставив машину, он проверяет, в порядке ли парковочный талон: на левой стороне ветрового стекла, так, чтобы ясно видны были номер и срок действия. За много лет Яну не раз доводилось сцепляться с самыми разными властями, но только два ведомства могли выбить его из колеи: русская таможенная служба и парковочный

комитет Куперсчейза. Хотя дело того стоит. Он и раньше делал неплохие деньги, но Куперсчейз совсем из другой лиги. И Яну, и Тони это известно. Целый водопад денег. Отсюда, конечно, и нынешние проблемы.

Куперсчейз. Двенадцать акров прекрасной сельской местности и разрешение на постройку до четырехсот квартир для престарелых. Участок свободен, не считая пустого монастыря и чьих-то овец на холме. Несколько лет назад старый приятель Яна купил землю у священника, а потом этому приятелю срочно понадобились наличные на ведение возникшего по недоразумению процесса об экстрадиции. Ян посчитал и понял, что прыгать стоит. Но Тони тоже кое-что подсчитал и тоже решил прыгать. Вот почему в руках Тони сейчас двадцать пять процентов построенного в Куперсчейзе. Яну пришлось согласиться на такие условия, потому что Тони всегда был ему верен, и еще потому, что Тони не скрывал, что за отказ переломает Яну обе руки. Ян уже видел, как Тони ломает людям руки, и вот они с ним партнеры.

Хотя это уже ненадолго. Не мог же Тони не понимать, что это не навсегда? Честное слово, строить квартиры класса люкс может каждый: разденься до пояса, слушай Magic FM, копай ямы под фундаменты да ори на каменщиков. Тони пора узнать, сколько он стоит, тем более что на подходе новая стадия застройки.

Ян Вентам воспрянул духом. Убей, чтобы выжить!

Он вылезает из машины и моргает от яркого солнца, чувствуя во рту привкус свекольной эссенции — главного

препятствия, не позволившего сделать «Ничего лишнего» коммерческим продуктом. Можно было исключить свекольную эссенцию, но она нужна для здоровья поджелудочной.

Надеть солнечные очки. И за дело. Ян сегодня не собирается умирать.

ГЛАВА 6

Рон Ричи никогда не отличался кротостью и сейчас терпеть не намерен. Он привычно тычет пальцем в копию договора. Он знает, что это хорошо смотрится — это всегда хорошо смотрится, только вот палец дрожит и договор дрожит. Чтобы скрыть дрожь, Рон размахивает договором. А вот голос у него сохранил прежнюю силу.

— Вот, цитирую! Это ваши слова, мистер Вентам, а не мои. «Холдинг “Куперсчейзинвестмент” оставляет за собой право на дальнейшее развитие участка *после обсуждения с проживающими*».

Крупная фигура Рона напоминает, что когда-то он был очень сильным мужчиной. Рама еще цела, но тупоносый грузовик ржавеет в поле. Его круглое открытое лицо готово по первому требованию изобразить возмущение, или недоверие, или что там еще требуется изобразить. Все, что нужно для дела.

— Все правильно, — как ребенку объясняет ему Ян Вентам. — Здесь как раз имеет место обсуждение. Вы — проживающие. Обсуждайте сколько хотите, у вас еще двадцать минут.

Вентам сидит за складным столиком перед собравшимися в гостиной. Здоровый загар, расслабленность и темные очки, сдвинутые на прическу из каталога моделей 1980-х. На нем дорогая рубашка поло, на руке часы, величиной не слишком уступающие настенным. На вид кажется, что и пахнет он прекрасно, но не стоит подходить слишком близко, чтобы проверить.

По сторонам от Вентама женщина лет на пятнадцать моложе него и мужчина в жилете, открывающем татуированные руки — он листает что-то в телефоне. Женщина — архитектор проекта развития, татуированный мужчина — Тони Карран. Рон не раз видел Каррана, да и слышан о нем. Ибрагим записывает каждое слово, а Рон упрямо тычет пальцем в сторону Вентама.

— Меня так просто не проведешь, Вентам. Это не обсуждение, а засада.

Джойс решает вставить свое слово.

— Скажи ему, Рон!

Рон и сам знает, что делать.

— Спасибо, Джойс. У вас это называется «Лесной поселок», а деревья-то вы вырубаете подчистую. Круто, сынок. На компьютере картинка залюбуешься, все чистенько, солнышко светит, облачка пушистые, в пруду уточки плавают. Компьютер тебе что хочешь нарисует, сынок, а нам нужна настоящая масштабная модель. С деревьями и человечками.

Он срывает аплодисменты. Здесь многим хотелось бы увидеть масштабную модель, но Ян Вентам уверяет, что так теперь не делают. Рон продолжает.

— И вы нарочно взяли архитектором женщину, чтобы мне нельзя было орать.

— Тем не менее ты орешь, Рон, — отмечает Элизабет, сидящая двумя рядами дальше с газетой в руках.

— Это я еще не ору, Элизабет! — орет Рон. — Когда заору, чувак это заметит. Ты на него посмотри — вырядился как Тони Блэр. Не хочешь заодно и Ирак разбомбить, а, Вентам?

Хорошая реплика, думает Рон, пока Ибрагим добросовестно записывает его слова для протокола.

В те времена, когда о нем писали в газетах, он звался «Красный Рон», хотя тогда все были немножко «красные». Его газетные снимки редко обходились без заголовка: «Вчерашние переговоры сторон сорваны». Рон — ветеран пикетов и отсидок в полицейских участках, войн со штрейк-брехерами, черных списков и скандалов, сидячих и итальянских забастовок, манифестаций и маршей. Рон грел руки над жаровнями вместе с ребятами из «Бритиш Лейленд». Рон своими глазами видел разгром докеров. Рон пикетировал «Ваппинг» и был свидетелем победы Руперта Мердока и поражения печатников. Рон вывел кентских шахтеров на шоссе А1 и попал под арест в Оргриве, когда было окончательно сломлено сопротивление угольной промышленности. На его месте не столь несокрушимый человек решил бы, что приносит неудачу. Но такова участь угнетенных, а Рон обожал быть угнетенным. Случись ему очутиться в ситуации, где его не угнетали, он выкручивался и выворачивал ситуацию наизнанку, пока не внушал всем вокруг, что угнетен.

Однако слова у Рона никогда не расходились с делом. Он всегда готов был без лишних разговоров помочь людям, которым требовалась помощь: пара лишних монет к Рождеству, жилье или адвокат для суда. Каждому, кто нуждался в защите, Рон всегда протягивал свою надежную татуированную руку.

Татуировки теперь вылиняли, рука дрожала, но боевой дух не угас.

— Сам знаешь, куда можешь засунуть свой договор, Вентам, или тебе сказать?

— Не стесняйтесь, просветите меня, — говорит Ян Вентам.

Рон начинает что-то о Дэвиде Кэмероне и референдуме ЕС, но теряет нить мысли. Ибрагим трогает его за локоть. Рон, кивнув, как человек, который свое дело сделал, садится на место, оглушительно хрустя коленными суставами.

Он счастлив. И дрожь в руках, между прочим, прошла хоть ненадолго. Снова в бой! С этим ничто не сравнится.

ГЛАВА 7

Отец Мэттью Макки незаметно пробирается в зал, где рослый старик в футболке «Вест Хэм» орет на Тони Блэра. Как он и надеялся, недовольных собралось много. Это удачно, побольше будет возражений против застройки «Лесного поселка». В поезде от Бексхилла не было буфета, поэтому отец Мэттью с радостью замечает приготовленные печенья.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks